

С. А. Голованова «Северокавказские народы в среде кавказского линейного казачества (XVIII–XIX вв.)»

Российское казачество, формировавшееся, как правило, в пограничных районах (или контактных зонах) при доминировании славяно-русского ядра, было этнически неоднородно. Это особенно характерно для восточных районов страны.

В Уральском казачьем войске свыше 6% составляли татары и калмыки; в Оренбургском свыше 6% – татары, калмыки и башкиры; среди сибирских казаков было 6% мордвы и татар.

В Донское войско в разное время вливались черкесы, калмыки, ногайцы, татары и турки.

В Черноморском войске представители горских народов составили отдельную станицу Гривенскую.

Среди терских казаков встречались грузины, армяне, калмыки, татары, представители вайнахских народов - чеченцев и ингушей.

Кавказское линейное казачество существовало в сложных геополитических реалиях Северного Кавказа, занимало южные приграничные территории России. История казачества – это и охрана вновь создаваемых границ, и участие казаков в военных действиях против внешнеполитических противников России, выступления против северокавказских владетелей антироссийской ориентации. Она полна примеров взаимных набегов, угона скота, захвата пленных и т.д.

Вместе с тем буферные, контактные зоны расселения казаков становились территорией культурного взаимодействия. Казачество, оказавшись в непосредственной близости от северокавказских народов, для одних воплощало враждебную российскую государственность, для других – стало притягательной силой, гарантом стабильности.

Северокавказская среда выступали одним из источников пополнения рядов казаков, но механизм перехода и степень их адаптации к новым этнокультурным условиям жизни менялись на разных исторических этапах.

По данным на 1877 г. «казаки-инородцы» в основном входили в состав Кизляро-Гребенского и Горско-Моздокского округов, численность их соответственно составляла 7,2 и 4,3 тыс. чел.

В юбилейном выпуске, посвященном трехсотлетию Терского казачьего войска, при анализе этнического состава отмечалось, что «инородческий элемент в Кизляро-Гребенском полку составляют теперь почти одни грузины, жившие в ст-цах Шелковской и Александровской.

Куда же девались кумыки, кабардинцы и другие туземцы, пополнявшие состав старого Терско-Кизлярского войска? Они исчезли: или через отпадение, или через поглощение: первое осуществлялось переходом из казачества в другие сословия; а последнее принятием христианства и обрусением. Не упустим из вида, что там всегда состоял особый класс

служилых казаков под именем «новокрещенов», – через этот класс и совершался последний процесс» [1].

Таким образом, можно выделить две основные тенденции: ассимиляция северокавказских народов казачьей средой и существование обособленных инородческих групп, определившихся на этапе перевода казаков в сословное состояние.

Первая тенденция начинает прослеживаться с момента формирования общин казаков на Северном Кавказе. Как неоднократно отмечалось исследователями, казаки, изначально представляя исключительно мужское население, рождались с местными северокавказскими народами, беря себе жен из их среды, а также принимали в свою среду отдельных представителей. А.Н. Мануйлов, говоря об этнических стереотипах, связанных с выбором брачного партнера, считает, что как в XVI, XVII, XVIII вв., так и в конце XIX – начале XX в. наблюдалось «невнимание» казачьей семьи к этническому происхождению предполагаемого брачного партнера.

Это, по его мнению, свидетельствовало об иной, отличной от этнической сущности казачьей самоидентичности и единства культурной традиции [2].

Вывод далеко не бесспорный, так как на определенном этапе казачество становится обществом замкнутым, отдающим предпочтение бракам только внутри казачьего этнического сообщества и даже внутри отдельной территориальной группы.

К казакам северокавказские народы уходили по разным причинам: от наказания или кровной мести, от рабства. С.А. Козлов приводит документ XVII в., который сообщает, что брагунский полоняник бежал в казачий Сарафанников город и крестился в православную веру. Крестил его терский воскресенский поп Козьма, «имя ему во крещении дано Сенька Козьмин, и он «жил крещен в казачьих городках» [3].

Побеги под покровительство казаков, очевидно, были явлением распространенным, что приводило к осложнению отношений с северокавказскими владельцами. Тем не менее, 31 июля 1747 г. был издан указ Коллегии иностранных дел, согласно которому:

«1-е. Когда российской нации от кумыцких и кабардинских владельцев в Кизляр уходить будут, не отдавать их обратно, но отсылать на прежнее жилище, туда, откуда взяты в плен; а когда того не упомнят, отбирать желания, в казаки ли желают быть, или на пашне. В первом случае отсылать в донские и волгские казачьи городки, в последнем, в Тамбов и Козлов...

2-е. О татарах, владельческих холопах, которые от них, владельцев, в Кизляр уходить будут и о святом крещении просить станут (если за ними нет преступлений. – С.Г.) ...в веру греческого исповедания крестить, несмотря на владельческие просьбы, и потом не оставлять жить в Кизляре, а отсылать или в казаки или на пашню, по желанию, как выше о россиянах сказано...» [4].

По неполным данным только с 1763 г. по 1768 г. число беглецов в одиночку или малыми семьями в г. Кизляр и Моздок составили 538 чел. [5].

Известны случаи переселения казаков под покровительство северокавказских народов. Н.Н. Великая приводит данные арабской карты

Чечни конца 1840-х гг., где на левом берегу р. Хулхулау указаны ряд домов с припиской – «это кельи русских, твердых в своей вере». В 1851 г. 20 казаков с женами, детьми и двумя священниками просили земли у Шамиля [6].

Показательная и судьба наурского казака Семена Атарщикова, который вместе с двумя казаками Хоперского полка Василием Ванеевым и Ефимом Петренко бежал к горцам [7].

Формировался и другой вариант развития отношений северокавказских народов с казаками. Уже с XVI в. инородческий элемент, вошедший в состав Терского войска, селился особыми слободами вокруг Терки под именем черкас, охочан, юртовских татар, мечкизян, шибутян и новокрещенов.

Они жили не только отдельно, но и представляли собой особый служилый отряд в составе войска, командование над которыми осуществлял представитель княжеского рода Джанклин.

Инородческий элемент начинает вливаться в казачью среду особенно активно в XVIII–XIX вв., когда царское правительство переводило в казаки отдельные группы кавказских народов. Эта политика была закреплена в «Положение о Кавказском линейном казачьем войске», принятом 14 февраля 1845 г., § 7 которого «дозволял» принимать в свое сословие «азиатцев разного звания». Учитывая сложную политическую обстановку на Северном Кавказе, правительство предписывало «азиатцев» размещать «преимущественно по станицам, удаленным от передовой кордонной линии». Как известно, «лица, однажды поступившие в войсковое сословие, и их потомство остаются в войске навсегда» [8].

С момента, когда в регулирование численности казаков вмешивается правительство, меняются причины и характер причисления местных народов в казаки. Наблюдаются случаи перехода в казачье сословие как единичные, так и целыми селениями, обществами; по собственному желанию или принудительно, волевым решением кавказской администрации.

В 1765 г. в Моздоке была сформирована горская команда из числа беглых осетин и кабардинцев, исповедовавших христианство. Использовались они как кизлярские переводчики, их посылали с почтой [9].

Семьи этих казаков составили в Моздоке свободное общество под названием «Казачей братии». Сообщая о происхождении этого общества, майор Кудинов писал: «По преданию общество «Казачьей братии», составилось в Моздоке из бежавших кабардинцев и осетин, кои, учены побег от своих владельцев, поселились в Моздоке, а по разыскании их владельцами были им возвращены; во избежании чего... по прибытии в Моздок, один из семейства записывался в казаки и тем избавлял остальных (членов семьи) от возврата владельцам. От сего случая семейство определенного в казаки именовалось казачьею братьею» [10].

Первыми поселились в Моздоке и моздокских степях осетины-цъайта. Б.А. Калоев отмечал, что осетины-цъайта отличались от более поздних осетинских переселенцев тем, что они были выходцами из всех ущелий Осетии, но наиболее многочисленными среди них были выходцы из

Куртатинского и Тагаурского ущелий, где более активно проходила деятельность членов Осетинской духовной комиссии [11].

Поэтому не случайно, что именно их в первую очередь попытались перевести в казачье сословие.

В 1804 г. осетины, жившие по обе стороны р. Урух и страдавшие от притеснений кабардинских владельцев, также переселились на Моздокскую равнину, образовав два селения – Черноярское и Новоосетинское. Они изъявили желание «отправлять казачью службу».

В 1816 г. генерал Ермолов писал генерал-майору Дельпоццо: «Прошу не упустить из виду приготовить осетин самым осторожным образом к тому, чтобы со временем составить из них некоторое ополчение, первоначально для внутренней стражи, дабы испытать их способности, а потом для охранения кордона» [12].

В 1824 г. во время формирования Горского казачьего полка осетины-ерашти официально вошли в состав полка, а их селения переименованы в станицы.

В январе 1827 г. генерал А.П. Ермолов предписал всех «казачьих братьев» (всего 110 чел.) зачислить в казаки и передать их командиру Горской казачьей команды капитану Дадымову. Казенная палата решила передать в военное ведомство не только «казачьих братьев», но и всех осетин, живущих в Моздоке. Однако эти осетины выступили против обращения в казачье сословие. В прошении на имя тифлисского губернатора аргументировали свое нежелание тем, что к казачьей службе ни они, ни их предки не привыкли.

На пять лет растянулось противостояние осетин и администрации, и только 24 апреля 1839 г. тифлисский военный губернатор уведомил генерала Граббе «о неудобствах обращения моздокских осетин, черкес в казаки, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: «Дело о сем оставить в настоящем положении, не давая ему ни гласности, ни ходу» [13].

Во второй половине XVIII в. была сделана попытка обратить в казаки кочевников-калмыков. 200 семей Ака-Цатонова рода, кочевавших по северо-западному побережью Каспийского моря, согласились принять христианскую веру. Русская администрация на Северном Кавказе и духовенство совершили в 1764 г. обряд крещения, и с этого времени они стали именоваться «крещеными калмыками».

3 марта 1777 г. Г.А. Потемкин приказал астраханскому губернатору Якоби переселить их на вновь основанную укрепленную линию по р. Тереку и присоединить к Моздокскому казачьему полку.

Но лишь в 1833 г. калмыки сами обратились к атаману Кавказского линейного войска с прошением о наделении их землею между Маджарской и Гайдуковской соляными заставами [14].

Специальная комиссия, ссылаясь на Генеральный проект размежевания по Кавказской линии, отказала им в наделе просимых территорий и одобрила предложение генерала Вельяминова о расселении их в станицах Моздокского казачьего полка. Калмыки, узнав о предполагаемом расселении их по

станциям, прислали в Ставрополь 14 чел. доверенных лиц, которые просили «об оставлении их в настоящих местах жительства по тому уважению, что переход от кочевой жизни к оседлой, перемена климата и употребление пресных вод на новых местах водворения, неминуемо подвергнет их смертности, а скотоводство – совершенному истреблению» [15]. Царское правительство вынуждено было разрешить калмыкам кочевать между р. Кумою и Гайдуком.

Вместе с тем в 1839 г. 68 калмыков обоего пола хут. Птичьего Ставропольского края, принявших святое крещение, были переданы в казаки с определением им места жительства в ст-це Новотроицкой Кубанского войска [16]. В 1841 г. 234 семьи (всего 899 чел.) калмыков Малодербентского улуса Кубетова рода приняли христианство и перешли в казачье сословие.

В документе имеется запись: «Будет ли польза от причисления воскрешенных калмыков в состав линейного казачества» [17]. В этом же фонде сохранилась переписка с Кавказским областным правлением о причислении киргиза Константинова в казачье сословие [18].

Первый случай зачисления в казаки абазин относится к 1805 г.: в ст-це Северной Хоперского полка была поселена абазинская семья, принявшая христианство. Примерно в это же время 96 абазин зачислены в казаки Волгского полка и после крещения размещены под Георгиевском.

В 1807 г. 20 абазин-клычевцев были приняты в Кубанский полк, причем их «владельцу» - абазинскому князю Атажуку Клычеву в том же году был дан чин хорунжего [19]. В 1816 г. в Хоперский полк были приняты 109 военнопленных поляков и абазин.

В 1790 г. у Георгиевска кабардинцами, абазинцами и закубанскими татарами был основан аул Бабуковский. В 1821 г. по приказу генерала Ермолова из жителей аула сформировали военную сотню и подчинили командиру Волгского полка. О.В. Ктиторова отмечает, что «упомянутые в рапорте генерала Ермолова 85 чел. были кумскими абазинами, которые окрестились и поступили в семейства казаков Волгского полка, где и службу несут наряду с другими», а так как в документе не указано время зачисления в линейное казачество этих абазинцев, не ясно, идет ли речь об уже упоминавшихся или новой группе горцев [20].

В августе 1822 г. ее преобразовали в казачью сотню ст-цы Екатериноградской и ввели в штат Горского полка. Одновременно аул переименовали в станицу, а жителей обязали выполнять квартирную повинность, мужское население призывалось на службу с присвоением им форменной одежды Волгского полка.

Зачисление бабуковцев в казачье сословие вызвало решительное сопротивление. Противостояние закончилось только в 1861 г.: половина населения ст-цы Бабуковской была освобождена от «казачьего ведомства» и расселена по мирным аулам [21].

Неудачной оказалась попытка превращения и армянских переселенцев в казаков. В 1798 г. закавказские армяне, приняв подданство России, поселились около Кизляра в трех селениях: Дербентском, Карабаглинском и

Малахалинском. В 1834 г. правительство приняло решение об обращении их в казачество [22].

В прошении от 25 марта 1835 г. армяне, отказываясь вступать в казачье сословие, писали, что они не чувствуют «себя совершенно сродственными казачьей службе», умоляют правительство избавить их от казачьего сословия и оставить «в правах и обязанностях, коим были состояния указа 2 декабря 1832 года... а если правительству угодно будет занятые нашими поселениями земли ...очистить», то они охотно на все согласятся. Многолетняя переписка не принесла желаемых результатов: лишь незначительная часть вступила в войсковое сословие и, получив право вступления в торговое общество, осталась на месте. Остальные же по предписанию командования Кавказского корпуса от 17 августа 1835 г. № 772 переселились на земли, лежащие по правой стороне Мокрой Буйволы, Грязнушки и Грушевки [23].

В 1832 г. принимается решение о переводе в казачье сословие армян и грузин ст-цы Шелковской. Волевое решение кавказской администрации вновь привело к сопротивлению со стороны армян: 100 семей армян Гребенского казачьего полка было «исключено из Кавказского линейного войска для переселения по их желанию и избрания рода жизни в городе Кизляр и Моздок» [24].

Более успешным был перевод грузин. Однако казаки-грузины по внешнему виду «хотя и не хуже других казаков и стараются от них не отставать. Тем не менее они весьма тяготеют своим казачеством, так как оно совершенно не соответствует их нравам...» [25].

Здесь же приводится и бытующее у них предание, что попали они в казаки «не по своей воле, а по вероломству своих депутатов, которых они отправили в Ставрополь к начальству для уплаты годовой подати. Эти депутаты по дороге растратили общественные деньги и, чтобы загладить свою вину, заявили в Ставрополе начальству, что шелкозаводское общество по случаю неурожая и голода не может прислать податей, но вместе с тем оно просит начальство о дозволении всему шелкозаводскому обществу перейти в казачье сословие. Недоимку простили, а шелкозаводские грузины всем обществом зачислены в казаки (начало 1830-х гг.)» [26].

Известен нереализованный план князя Барятинского об обращении всего чеченского народа в казачье сословие. Как отмечает Н.А. Смирнов, эта «нелепая по смыслу и нереальная директива не могла быть выполнена. Она свидетельствует о полнейшем непонимании образа жизни, быта и культуры чеченского народа, равно как и условий существования на Кавказе казачьих станиц» [27]. Вместе с тем отдельные его представители по собственному желанию совершали подобные шаги. Так, 16 апреля 1853 г. поручик Шамурзиев Батарий и 20 семей мирных чеченцев подали прошение о зачислении в казачье сословие с просьбой разрешить «поступить на жительство в 1-й Сунженский линейный казачий полк на правах, предоставленных казакам... с позволением переселиться на землю, принадлежащую Сунженскому полку...» [28].

В том же 1853 г. старшина назрановского общества из Карабулак Тепса Шахмурзиев и житель того же общества Майя Бабхоев с семейством зачислены в казачье сословие, навсегда с потомством, с водворением на жительство в ст-ице Слепцовской 1-го Сунженского казачьего полка, «согласно желания тех азиатцев и данных ими подписок» [29].

И.Л. Омельченко, изучая причины, побуждавшие многоязычных обитателей Предкавказья отказываться от перехода в казачье сословие, прежде всего обращает внимание на причины, связанные с коренными изменениями в их образе жизни и хозяйственной деятельности. Вступление в казачье сословие полностью меняло их внутренний уклад жизни: они должны были взять в руки оружие, нести постоянную воинскую службу, отбывать постоянную и другие повинности. В разгар Кавказской войны к этому добавилась и открытая религиозная нетерпимость [30].

Представители северокавказских народов, перешедшие в казачье сословие, образовывали особые локальные подгруппы, известные по источникам как казаки-инородцы, степень адаптации которых к новому состоянию была невелика.

По этому поводу А. Писарев писал: «Русские поселяне быстро превращались в служилых казаков, потому что еще до того были обстреляны, но инородческий элемент, как не считали его «обычным в войске», не был так податлив на несение линейной казачьей службы.

С обращением Горской команды в состав полка были зачислены и многие семейства осетин и адыгов, живших в Моздоке без всякой службы под именем «моздокских казачьих братьев» (как бы старых подсосудков); но этих братьев никакая правительственная сила не могла заставить побрататься с казаками и служить их службу» [31].

Как уже отмечалось, ст-цы Черная и Новоосетинская были заселены казаками-осетинами, но находясь в окружении русских станиц и поселений, они жили по своим законам, обычаям и нравам, которые принесли с гор, сохранив при этом их основу в удивительном национальном первоисточнике. В пределах родных станиц они разговаривали на языке своих предков, но в то же время все население знало русский язык, который помогал им общаться с другими обитателями Северного Кавказа [32].

Несомненный интерес представляет ст-ца Луковская, основанная в 1758 г. выходцами с Дона. Документы станичного архива за 1871 г. содержали сведения о том, что в 1870-х гг. станица носила двойное название – Старо-Луковская и Ново-Луковская: последнее название приняла ст-ца Горская.

Состояла эта часть станицы из 150 семей туземцев: большею часть черкесов (кабардинцев, принявших христианство) и нескольких осетин. Жителями Старо-Луковской были донцы, к которым в 1848 г. присоединились 50 малоросских семей из Харьковской губернии [33].

В документах отмечалось также, что «луковские жители никогда не были отдельным обществом, переживающим сообща одни и те же влияния. Большинство составляли казаки-старожилы, прибывшие с Волги и Дона, которые строго смотрят за своими привилегиями и сохраняют тип общий

всем казакам, одновременно переселенным на Терек и образовавшим Моздокский казачий полк. Небольшое число малороссов, как и везде, где их меньшинство в станице, живут замкнуто, особняком, и мало принимают участия в общественной жизни станицы. Черкесы только с 1866 г. официально причислены к станице ...устроили себе хутора по Эриванскому каналу... Проще сказать... «Горская» и «Луковская» станицы сшиты на живую нитку. Несмотря на вечные распри хуторян, казаки-горцы живут дружнее с ними, чем со станичными русскими.

В этом сказывается племенное родство моздокских хуторян между собой, так как станичники по преимуществу русские, а хуторяне – те же горцы, из осетин и черкесов. Потому горцы-казаки, живущие на хуторах, и рождаются чаще с вольными хуторянами, и промыслами занимаются сходными, а русских казаков чуждаются» [34].

Иноэтнические элементы продолжали вливаться в казачьи ряды, как считает В.А. Матвеев, вплоть до 1905 г., когда после первых революционных потрясений было признано, что «пополнять казачье сословие инородческими элементами недопустимо» [35].

Однако полной интеграции их в казачью среду не произошло, и в обыденном сознании четко закрепилось противопоставление «природных» казаков – «казакам-инородцам». Консолидируясь в среду казаков, они сохраняли свою этническую и религиозную принадлежность, приобретая формальную сословную принадлежность и достаточно условно признавая особенности хозяйства и быта.

Библиографические ссылки

1. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877 / Сост. А. Писарев. Владикавказ, 1881. С. 44.
2. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). 2-е изд. СПб., 2002. С. 15–16.
3. Ктиторова О.В. Абазины на службе в Кавказском линейном казачьем войске // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 120.
4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 164–165.
5. Маршаев Р.Г. Казачество в системе российской государственности // Система государственного феодализма в России. М., 1993. С. 216.
6. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 143–144.
7. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993. С. 83–84.
8. РГВИА. Ф. 131. Оп. 59. Д. 242. Л. 6–6об.
9. РГВИА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 300. Л. 48.
10. Бентковский И. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа

- // Ставропольские губернские ведомости. 1880. №35.
11. Калоев Б.А. Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1995.
  12. Там же.
  13. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 97.
  14. Бентковский И. Указ. соч.
  15. Омельченко И.Л. Указ. соч. С.93.
  16. Там же. С. 93–94.
  17. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1116. Л. 1–25; Д. 1407. Л. 1–484.
  18. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1060. Л. 1–27.
  19. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 993. Л. 1–42.
  20. Шаленная О.В. К вопросу о связях абазинов с линейцами Средней Кубани // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. Армавир, 1996. С. 22.
  21. Ктиторова О.В. Указ. соч. С. 48.
  22. Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 94–95.
  23. РГВИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 300. Л. 17.
  24. Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 95–96.
  25. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1116. Л. 1–25; Д. 1407. Л. 1–484.
  26. Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1880. Т. 1. С.376.
  27. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 209–210.
  28. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 38. Л. 17; Д. 160. Л. 1–30.
  29. Там же.
  30. Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 98.
  31. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Владикавказ, 1881. С. 31.
  32. Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 131.
  33. Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска. С. 380.
  34. Там же. С. 405.
  35. Матвеев В.А. С чего начинать возрождение? // Проблемы казачьего возрождения. Ч. 1. Ростов н/Д. 1996. С. 29.

Источник: Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008